

В. ВЕРЕСАЕВ

ПОВЕСТИ
и рассказы

Викентий Викентьевич Вересаев

Фельдшер Кичунов

(Невыдуманные рассказы о прошлом)

Звали его Иван Михайлович. Фельдшер приемного покоя больницы, где я тогда работал ординатором. Редкие усы и борода, держится солидно, с большим достоинством. Вид глубокомысленный, на жизнь и людей смотрит свысока, с затаенною в глазах сожалеющею усмешкою. Истина жизни вся целиком, до последней буквочки, находится у него в жилетном кармане.

**Викентий Вересаев
Фельдшер Кичунов
(Пунктирный портрет)**

Звали его Иван Михайлович. Фельдшер приземного покоя больницы, где я тогда работал ординатором. Редкие усы и бородка, держится солидно, с большим достоинством. Вид глубокомысленный, на жизнь и людей смотрит свысока, с затаенною в глазах сожалеющею усмешкою. Истина жизни вся целиком, до последней буквочки, находится у него в жилетном кармане.

На дежурстве вечером, когда поток привозимых больных почти иссякает и гулко звучат в пустых коридорах шаги проходящей сиделки, иногда засидишься в приемном покое и беседуешь с Иваном Михайловичем.

– Как, Иван Михайлович, дела?

– Какие ж у меня дела! В гости я не хожу, картами и водочкой не занимаюсь, за девочками не бегаю-... В церковь сходить, свечечку поставить в гривенник, просвирку подать – вот и все мои дела. Дома Библию почитаю. Дела у меня обыкновенные. Вчера Библию купил себе новую. Хорошая книга, давно к ней приглядывался. Книга фундаментальная, пятнадцать фунтов весом! Приятно иметь такую

книгу. Переплет красивый, – не барский, этого нельзя сказать, – скромный, смирный, но обращает на себя строгое внимание. Книга, можно сказать, вполне официальная.

– Вы всегда, Иван Михайлович, были такой благочестивый?

– Нет-с, не всегда. Раньше я был не такой. Раньше я все романы читал. Ну и, конечно, от этого у меня развивались ненависть, разврат, любовь к мышленью и тому подобные пошлые наклонности. Раз, однако, задумался я о своей, жизни. Ехал я тогда по Волге на пароходе, под Самарой дело было. Пароход «Свято-слав» общества «Самолет». Ем виноград. Виноград там дешевый, три копейки фунт, так что я мякоть высасываю, а кожицу и косточки, значит, выплевываю. Солнце садилось, испытал этакое приятное состояние души. Вот и задумался я о своей жизни. Что, думаю, такое? Человек я не завалящий, имею кой-какой умишко, кой-какие познания. Как же так? Нет, думаю, жизнь жить – не в бабки играть, пустяки надо оставить, о боге вспомнить, о собственной душе. Тут вот я и стал на стезю добродетели.

В газетах описали нашу больницу. Отзыв был очень хороший. Кичунов возмущен.

– Голодные псы! Буквой питаются!

– За что вы их ругаете? Ведь они же нас хвалят.

– Когда дурак хвалит, так это обиднее, чем когда умный ругает...

– Проповедь у нас в церкви читал отец Варсонофий. Господь, говорит, – «благ»! Ну, это мне въелось в плоть и кровь, все равно как хронический ревматизм. Скучно. Знай свое болтают всё: «Благ, благ!» Господь благ только к своим! Вовсе он не весь мир пришел спасти. В Евангелии от Иоанна, глава семнадцатая, он прямо говорит: «Отче, я о них молю, – не о всем мире молю, – но о тех, которых ты дал мне». А когда язычница к нему пришла, он сказал: «Нельзя отнимать у детей и бросать псам». Значит, неверующие для него псы. И правильно, – так и должно быть. Евангелие нужно понимать без изменения одной черты, одной йоты. Что я вам говорю, это – простой логический взгляд... «Благ», – скажи-

те пожалуйста! Бог должен быть строг! жесток! Христос ясно сказал: «Я пришел принести на землю не мир, но меч!» На соборах это место разбирали: говорят, что тут нужно понимать меч *духовный*. Х-хе! Разбирали! Шишки еловой не разобрали! Ну, скажите пожалуйста, как меч может быть духовным? Холодное-то оружие!.. Христос понимал, что без меча с нашим братом дела никакого не сделаешь. И так мы его не боимся, а если бы он был благ, мы бы совсем избаловались. Мы его даже не боимся, как черт боится. Тот знает, что ему пощады нет, а мы все надеемся на «искупление», на отпущение грехов. Помер человек, ему поп перед смертью грехи отпустил, – он этаким козырем на тот свет идет, ждет, что ему Христос скажет: «Пожалуйте, милостивый государь, вот сюда, в рай!» А как полетит там кувыркком к черту на рога, тогда узнает! Хе-хе-хе!

Привезли в больницу мужчину с крупозным воспалением легких. Лицо синюшное, пульс плох. Приняли.

Привезшая его жена сказала Кичунову:

– Можно будет распорядиться, чтобы причастили его? Он уж пятнадцать лет не говел.

Кичунов грозно нахмурил брови:

– Как же это его без сознания причащать? Священник не станет.

– Пожалуйста, уж будьте добры! Нельзя ли?

– Гм! Пятнадцать лет не говел, – христиане называются! А смертный час пришел, – спохватились!.. Этого нельзя устроить! – отрезал он.

Женщина вздохнула и пошла к выходу. Я ее остановил, и, конечно, оказалось возможным устроить.

Больной возвратным тифом, ночлежник, с опухшим лицом. Оборванный, дрожит. Лет семнадцати. Кичунов его записывает в книгу, кричит:

– Мещанин? Крестьянин?

– Я – незаконнорожденный.

– Та-ак! – иронически процедил Кичунов. – Вот этак гуляет девица, – боа у нее, турнюр, а детей в ночлежные кидает; такие кавалеры и выходят!.. В Петербурге родился?

– В Петербурге, – стиснув зубы, ответил больной.

– Ну конечно! Самый для таких дел подходящий город... Ступай.

– Незаконнорожденные, они не имеют прав ни на земле, ни на небе! Ну, как же незаконнорожденный может войти в царствие небесное, скажите пожалуйста! У бога прелюбодения нету. Во «Второзаконии», глава двадцать третья, ясно сказано: «Сын блудницы не может войти в общество господне, и десятое поколение его не может войти в общество господне». Для таких людей... Я бы не стал и жить на их месте... Вы себе как представляете антихриста? С рогами, с когтями? Он уже родился.

– Где же он?

– Он есть то, что рождено в прелюбодении. Он рождается от девы, как и Христос, только 'прелюбодейно, как незаконнорожденный. Христос ведь не был незаконнорожденным, заметьте себе!.. Каждый незаконнорожденный есть предшественник антихриста. Апостол Иаков в послании, глава первая, говорит:

«Похоть, зачавши, рождает грех». Пройдитесь по Невскому, посмотрите на фотографии балерин: стоит девка... груди распустила, ногу подняла. Мальчишка украдет у отца целковый и побежит, – знаете куда? Вот-от что похоть значит!

– Я бы, будь моя власть, – я бы женщинам запретил выходить на улицу.

– Почему?

– Как почему? Вид неприличный!

– Что вы такое говорите!

– Ну, а как же! (Очерчивает на себе руками выпуклости груди, бедер.) Что вы, господа! Ведь по улицам дети ходят! Конечно, привыкнуть ко всему можно, а только... Неудобно, знаете, неудобно!

Я хохотал.

– Как вы скажете, предки наши глупее нас были? Я полагаю, что они умнее были не только меня, но даже – извините за дерзкое выражение – умнее были, чем вы. А они женщин запирали – в терем! Почему? Возьму хоть себя. Человек я пожилой, солидный, занимаюсь богомыслием. А встретишь на ули-

це этакую бабеночку полногрудую – и ввергаешься в соблазн. Ничего не поделаешь: человек бо есмь! Ессе homo!..[1]

Позвали меня к больной. Вхожу в приемную врача. Кичунов стоит, осматривает больную. Это совершенно не его дело. Его дело – в соседней комнате, когда больного примут, записать в книгу и составить на него скорбный лист. Стоит Кичунов, а перед ним, рядом со старухой матерью, – изумительно красивая девушка лет пятнадцати, голая по пояс. И Кичунов глубокомысленно тыкает ее указательным пальцем в груди. Увидел меня, сконфузился.

– Вот, Викентий Викентьевич... Какая сыпь странная!.. Я заинтересовался.

Я мельком взглянул на сыпь и холодно ответил:

– Что же странного! Самая обыкновенная скарлатинозная сыпь.

– А я смотрю: что это, странная какая сыпь? Не признал сразу, что скарлатинозная...

Примечания

[i] Это человек!.. (*лат.*).

[^^^]